

Э.Е. Кравченко, А.Н. Петренко, В.В. Мирошниченко

ИССЛЕДОВАНИЯ ПОСЕЛЕНИЯ ГРУЗСКОЕ 8 В 2007 г.

Seasonal settlement Hruzke 8 is distinguished from the most of others in the Steppe Zone by its topography, being situated at the bottom of a deep gully. The research reveals that the site was a seasonal (spring—summer) point left by the nomads at the first half — the middle of the 9th c. The materials found at the settlement are represented by transport wares and hand-made pottery, and several items made of metal and bone. The places of light surface structures have been discovered.

Характерной особенностью основной части сезонных стойбищ, оставленных средневековым кочевым населением в степной части Донецкого региона, является локализация их на мысах или балочных террасах. Реже встречаются памятники с иным топографическим расположением. К их числу относится поселение Грузское 8, размещенное на дне широкой балки, являющейся ответвлением балочной системы, впадающей в р. Грузская, левый приток Казенного Торца (рис. 1, 1, 2). Система, в которую впадает эта балка, представляет собой русло почти пересохшей небольшой степной речки. Дно основной балки практически по всей длине покрыто камышом, местами встречаются небольшие озера. От линии камышей первые находки, связанные со средневековым памятником, находятся на расстоянии 80—100 м. Скорее всего, лагерь кочевников располагался на небольшом возвышении, в 2—3 м выше уреза воды. Дно балки в месте расположения поселения сильно выположено. Близ места впадения в балочную систему его уклон несколько повышается, образуя ровную площадку шириной до 100 м. С южной стороны эта площадка ограничена невысокой террасой. Осмотр на ней выбросов из кротовин и поврежденных размывами участков показал, что эта терраса, идеально подходящая для сооружения стационарных построек, не входила в площадь обжитого участка.

Выше балка сужается и выходит на плато. При этом ее русло имеет слабовыраженный

S-видный изгиб, что способствовало тому, что та ее часть, где было расположено поселение, не продувалась ветрами. Кроме того, здесь наблюдается интересный акустический эффект: в месте расположения памятника прекрасно прослушивается все, что происходит на окружающих водоразделах, в то время как звуки в балке полностью глушатся уже на выходе из нее. Описанные особенности использовались кочевниками вплоть до второй половины XX в., когда в этих местах останавливались цыганские табора.

Площадка на дне яра никогда не распахивалась, что способствовало хорошей сохранности здесь культурного слоя. Осмотр размытых участков и многочисленных выбросов из кротовин показал, что все находки средневекового времени группировались на относительно небольшой территории — ровной площадке, расположенной на дне балки, близ места ее впадения в балочную систему. Ширина площадки не превышала 40—50 м при длине не более 100—150 м. Таким образом, для размещения поселения использовался ровный участок, что, по всей видимости, было обусловлено характером построек, для установки которых требовалась ровная поверхность.

Осмотр обжитой площадки также показал, что находки располагались отдельными скоплениями. Это наблюдение подтвердилось в процессе раскопок одного из таких скоплений, располагавшегося в восточной части поселения, неподалеку от выхода в основную балку. Здесь был разбит раскоп площадью 200 м² (рис. 1, 3). Раскопки велись квадратами 2 × 2 м с оставлением бровок через каждые 2 м. Слой с находками (кроме квадратов Е—Ж-1) рассчитался с оставлением всех, даже небольших, скоплений материала.

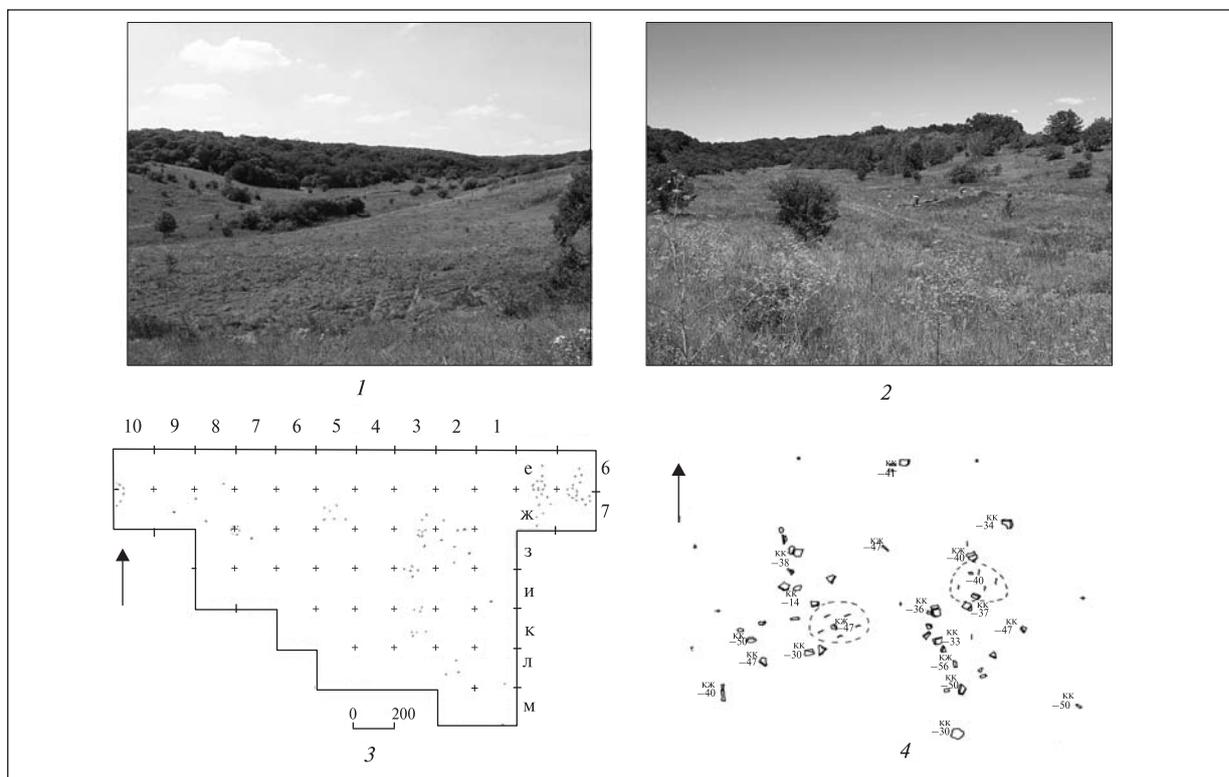

Рис. 1. Грузское 8: 1—2 — общий вид балки, в которой расположено поселение; 3 — раскоп 1; 4 — скопление материала в квадратах α — β -6—7

Стратиграфические наблюдения показали, что практически по всей площади раскопа под дерновым слоем шел слой жирного гумуса, в котором залежали материалы средневекового времени. В квадратах, расположенных на не потревоженных эрозийными процессами участках, слой гумуса достигал 35—40 см. На уровне 45—50 см он плавно переходит в гумусированный суглинок. Основная часть находок располагалась в виде скоплений на одной плоскости, представляющей собой древнюю дневную поверхность. Учитывая то, что все обнаруженные в раскопе предметы имеют одинаковую историко-культурную принадлежность, а все скопления археологического материала, равно как и остатки кострищ, были зафиксированы на уровне —19—45 см от современной поверхности, можно предположить, что указанные выше отметки являются границами залегания культурного слоя. В подстилающем этот слой гумусированном суглинке находки были представлены отдельными мелкими костями животных и фрагментами керамики. Они попали в этот слой естественным путем (грызуны, осадки и т. д.). Все понижения грунта, которые фиксировались в раскопе, представляли собой естественные углубления. Искусственных ям не обнаружено.

Основная часть находок представлена небольшими скоплениями материала. В запад-

ной части раскопа плотность находок была относительно небольшой. Здесь обнаружено несколько небольших скоплений материала, представленных в основном фрагментами стенок амфор и фрагментами костей животных. Среди находок выделяется железная арочная пряжка (рис. 2, 11), амулет из зуба животного (рис. 2, 9) и фрагмент абразива с прорезанной на нем вертикальной полосой (рис. 2, 14).

Обращает внимание скопление частиц печины, обнаруженное в квадрате Ж-10 на глубине 30—45 см. Оно имело форму неправильного овала (55 × более 30 см, уходило в западную бровку квадрата) и выделялось за счет наличия в гумусе взвеси мелких фрагментов печины. Наиболее вероятно, оно представляет остатки небольшого размытого кострища, которое фиксировалось с уровня древней поверхности.

Остатки еще одного полностью размытого кострища обнаружены в квадратах Ж-3-7—8. Оно фиксировалось в виде небольшого аморфного скопления взвешенных в гумусе мелких частиц печины и древесных угольков в месте пересечения бровок квадратов.

По мере приближения к центральной части раскопа количество находок увеличивалось. В квадрате И-6 находки залежали на уровне 20—32 см от современной поверхности. В соседнем

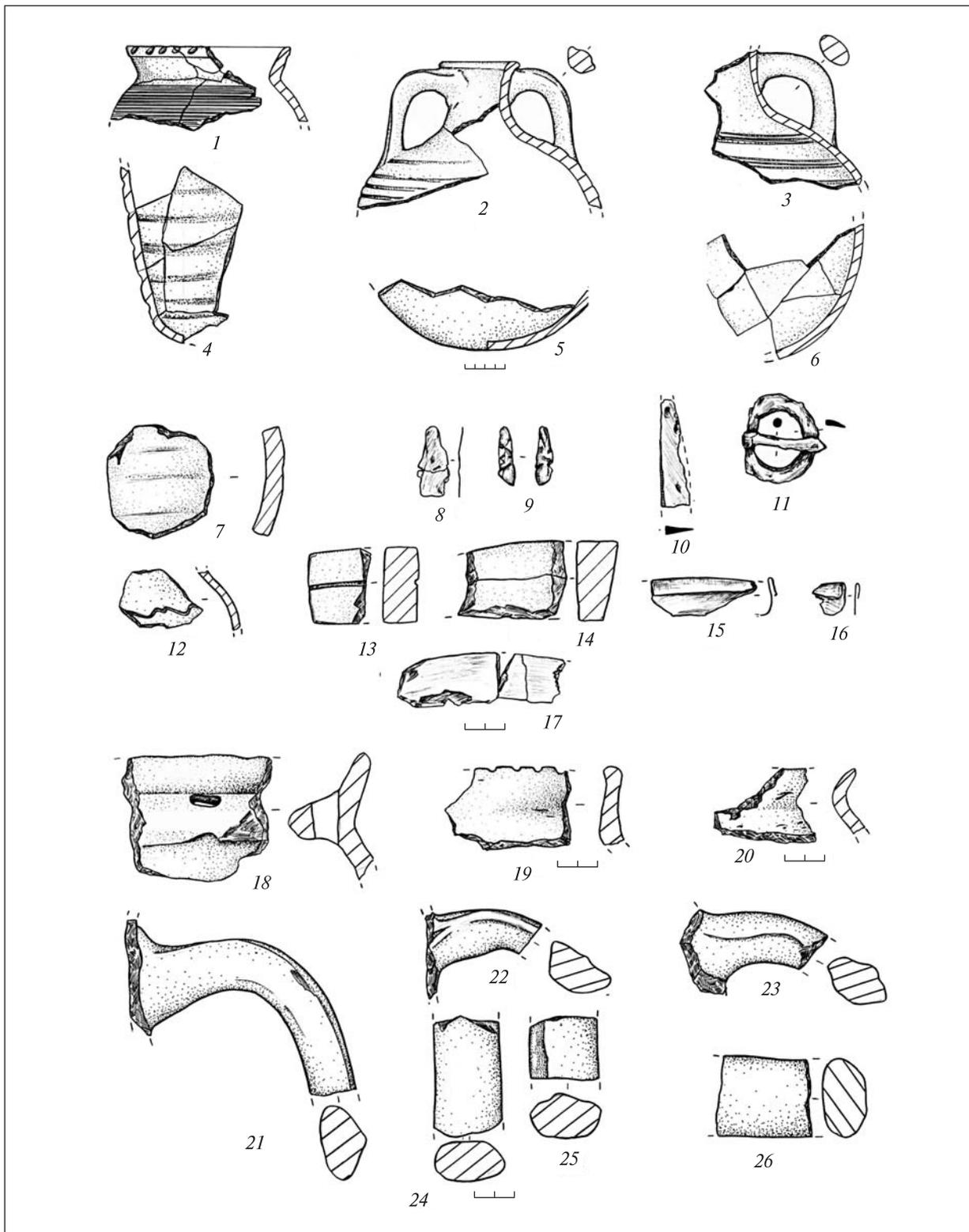

Рис. 2. Грузское 8. Вещевой материал: 1–7, 12, 18–26 — керамика; 8, 15, 16 — медь; 13, 14 — камень; 10, 11 — железо; 9, 17 — кость

квадрате И-5 на этом же уровне зафиксирован фрагмент венчика гончарного горшка, украшенного по корпусу едва заметным мелкозубчатым полосчатым зональным рифлением (рис. 2, 1). В квадрате К-6 на уровне –25 см обнаружен

обломок лезвия железного ножа (рис. 2, 10). Скопление находок зафиксировано и в квадрате Ж-5 (20–45 см от современной поверхности).

Особенно много материала встречено в восточной части раскопа. Здесь он также распо-

лагался в виде скоплений, причем наибольшая плотность находок наблюдалась по мере приближения к северо-восточному краю раскопа. Крупное скопление материала находилось в квадратах Е—Ж-2—3 и в граничащем с ними квадрате З-3, еще одно — у восточной бровки раскопа в квадратах Е—И-1.

Особенный интерес представляет находка в квадрате Ж-1 на уровне 50 см небольшой антропоморфной фигурки, вырезанной из тонкого медного листа (рис. 2, 8). Она найдена на одном уровне с фрагментом амфоры, по фактуре теста и характеру обработки поверхности не отличающейся от прочих амфор, найденных на памятнике.

Наивысшая концентрация находок наблюдалась в восточной части раскопа (рис. 1, 4). Здесь в квадратах α — β -6—7 зафиксированы два скопления материала. Они располагались компактными группами, одна из которых находилась в квадратах α -6—7, а другая в квадратах β -6—7. От бровок раскопа, равно как и друг от друга, эти скопления были разделены небольшим расстоянием. Они группировались вокруг остатков плохо сохранившихся кострищ, одно из которых, на уровне —40 см (квадраты α -6—7) сохранилось лучше. Кострище проходило через южную бровку квадрата α -6 и читалось в плане и в профиле в виде полосы обожженного грунта с небольшим количеством древесных угольков, горелых костей и золы. Прокаленные участки (мощность до 5—7 см) шли не сплошной линией, а представляли собой как бы комки грунта, обожженного до состояния печины, вклиненные в горелую прослойку. Вокруг кострища группировались находки, представленные фрагментами керамики и мелкими костями животных. Среди них выделяются фрагменты верхней части амфоры, близкие аналоги которой составляют значительный процент в керамическом комплексе Сидоровского городища на Северском Донце.

Второе кострище обнаружено на расстоянии 50 см к западу — северо-западу от первого. Оно располагалась ниже (40—48 см) и сохранилось намного хуже. Кострище имело форму неправильного овала (33 × 28 см) и было близким по фактуре описанному. Мощность прокаленного грунта не превышала 4 см. Вокруг кострища также находилось скопление находок, среди которых выделяется фрагментированная заготовка для накладки лука (рис. 2, 17) и кусок трубчатой кости животного со следами обработки.

Описанные кострища отличаются от открытых очагов, исследованных на поселениях бас-

сейна р. Северский Донец, и формой, и отсутствием под ними четко выраженного обожженного основания. Последнее, по нашему мнению, связано с характером почвы, на которой были разведены кострища, а также с тем, что они горели непродолжительное время. Соответственно, и жилые сооружения были сравнительно недолговременными.

Таким образом, мы считаем, что данный памятник представлял собой сезонное (скорее всего весенне—летнее) стойбище. Маршруты кочевников пролегли по долинам рек и прилегающим к ним балочным системам. В пользу этого свидетельствует обнаруженный на памятнике остеологический материал. Даже его визуальный осмотр дает основания утверждать, что весь он представлен костями крупного рогатого скота и лошади. Поселение располагалось на плоском дне балки, приспособленном для установки каких-то наземных сооружений, не оставивших следов в слое чернозема. Возможно, они имели вид шалашей или юртообразных построек. Показательно, что имеющаяся в балке терраса, очень удобная для строительства стационарных построек типа полуземлянок, не была использована жителями кочевья.

Жилища обогревались открытыми очагами, которых в пределах раскопа выявлено четыре. Скорее всего, исследованные нами кострища относятся к разным сезонам, когда кочевники посещали балку. В этом плане особенно показательны объекты, расчищенные в квадратах α — β -6—7. Расположение рядом двух объектов и намного лучшее состояние одного из них (кострище квадратов α -6—7) свидетельствуют в пользу того, что мы имеем дело с остатками двух разновременных сезонных построек, установленных приблизительно в одном и том же месте. Вряд ли рассматриваемое нами кочевье функционировало слишком долго. Против этого говорит относительно небольшое количество материала, а также его довольно компактное расположение в виде скоплений, вокруг которых находятся практически пустые участки.

Датировку времени функционирования сезонного стойбища Грузское 8 дает немногочисленный, но довольно выразительный материал. Большинство находок представлено привозными амфорами (рис. 2, 2—6, 21—26). Среди них есть амфоры и первой (рис. 2, 3, 5, 6), и второй (рис. 2, 2, 4) групп (по А.Л. Якобсону), причем первые абсолютно преобладают. Единичны фрагменты красноглиняных крым-

ских кувшинов; похоже, есть обломки и от бляшек. Показательно отсутствие лощеной сероглиняной керамики, столь характерной для памятников салтово-маяцкой культуры. Очень редки и фрагменты гончарных горшков с полосчатым рифлением по корпусу, которые составляют основную часть материала на поселениях Доно-Донецкого региона. Собственно, и те фрагменты гончарных горшков, которые были встречены на кочевье (рис. 2, 1), по своему виду и системе орнаментации также отличались от керамики упомянутых поселений.

Единственным фрагментом представлен обломок тонкостенного гончарного горшка, орнаментированного неровной прочерченной волнистой линией на плечиках (рис. 2, 12). По фактуре теста и системе орнаментации он похож на древнерусскую гончарную посуду. В хазарское время подобного вида посуда встречается и на территории Крыма.

Вторую, меньшую, часть керамического комплекса составляет лепная посуда, представленная в основном фрагментами котлов с внутренними ушками. Стенки не орнаментированы. Иногда верхняя часть венчика украшена грубо нанесенными насечками (рис. 2, 18–19). Несколько фрагментов принадлежат лепным горшкам (рис. 2, 20).

Среди прочих находок — арочная железная пряжка, фрагмент лезвия ножа, обрезки медных пластин (рис. 2, 15–16), подвеска-амулет

из зуба лошади, заготовка костяной накладки для лука, заготовка прясла, выточенного из стенки амфоры (рис. 2, 7) и фигурка из листа меди.

Как видим, среди вещественного комплекса датировку поселения Грузское 8 может дать только амфорная керамика, составляющая абсолютное большинство. Лепная посуда на памятнике немногочисленна, маловыразительна и дает очень широкие хронологические рамки. Несмотря на то, что вопрос с датировкой причерноморских амфор остается открытым, обращает внимание тот факт, что на памятнике присутствуют амфоры и первой, и второй групп с явным преобладанием первой. С тенденцией датировать амфоры второй группы более поздним временем, чем амфоры первой (второй половины IX — первой половины X в.), по нашему мнению, можно согласиться. По крайней мере, они встречаются на памятниках салтово-маяцкой культуры вместе с относительно поздним материалом. Факт же сосуществования указанных двух групп в материалах одного, судя по всему, недолговременного памятника, скорее всего, свидетельствует в пользу того, что кочевье функционировало в первой половине или середине IX в. Собственно и выбор места, укрытого от посторонних взоров, мог быть связан с существованием кочевья в это сложное для населения Хазарии и прилегающей к ее границам Степи время.

